

АНЕКДОТЫ, СОЧИНЁННЫЕ АГ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СТАНИСЛАВСКИЙ»

КС терпеть не мог Пятницкого и его балалайку. Как услышит балалайку по радио, хватается со стены портрет Пятницкого и об пол!

Как-то Станиславский, еще лицеистом, встретил на лестнице Державина. Только хотел ему руку поцеловать, а тот возьми и спроси: "Где тут у вас, братец, нужник?"

КС терпеть не мог Шаляпина за то, что тот громко пел. Бывало лежит на койке общежития и слушает, как Шаляпин поет под душем, возвратившись от дам. Послушает, послушает, возьмет гаечный ключ, да и отключит воду.

Однажды КС прогуливался под руку с Лев Толстым в фойе театра. Вдруг из кустов на них выскочил заяц. Граф скинул с плеча ружье и - "бац!" (вынул пистолет и «бац, бац!») Но КС его успокоил: " Не надо! Это наш кот. Он к крольчихе бегаёт, так в костюмерной уши стянул."

Чехову не нравилось, как нарисовали чайку на занавеске. Когда Чехов выходил на поклон, то старался закрыть чайку, не доставал, обижался и уезжал в Ялту.

На волочильной фабрике КС делали так: вставляли в дырочку проволоку с одного конца, вытягивали с другого. Вставляли, вытягивали, вставляли, вытягивали, вставляли, тянули... И все это называлось "сквозным действием". Так и пошло.

Когда КС и ВИ оставались в театре затемно, то КС выдавал деньги, а за водкой бегал ВИ. И всегда терял сдачу. КС, конечно не верил, но сказать соратнику в лицо мялся. А артистам говорил.

Однажды крестьянин Лев Толстой принес фабриканту КС клубнику, выращенную собственными руками. Эксплоататор клубнику взял, но вместо денег предложил крестьянину контрамарку на спектакль "Живой труп".

Как известно КС любил путешествовать. Так от своего дома в Леонтьевском до театра он проехал столько раз, что суммарный путь втрое превысил расстояние до У-Дуня (Южная провинция Китая).

Однажды Станиславский и Горький отправились ловить рыбу. Горький снял сапоги, которые жали, и поставил к борту. А Станиславский не заметил и столкнулся. Вот у берега Станиславский и спрашивает: "Где ваши сапоги, Алексей Максимыч?" - "На дне!" - ответил великий писатель.

Станиславский не любил собаку Качалова. Когда он приезжал к Качалову в гости, собака выбегала навстречу и лаяла на лошадь. А Мейерхольд собаку Качалова за это любил и писал о ней стихи.

КС любил собирать белые грибы. Но в известные времена, как человек законопослушный, стал собирать красные. Однако, как человек, все же, старорежимный, собирал лишь красные в белую крапинку.

Станиславский обожал сниматься на фотокарточки. Особенно, когда его снимал Немирович. Иногда Станиславский жалел Немировича и тоже его снимал. Поэтому фотографий Станиславского много, а Немировича мало. И нет ни одной, где бы они были вместе.

Станиславский частенько играл в русскую рулетку с Лермонотвым. И выигрывал.

Когда у Станиславского было хорошее настроение, он сидел в кресле кабинета и курил сигару, а когда плохое, надевал калоши Немировича и гулял по лужам.

Подпись КС в театре не подделывал только ленивый. Актеры и даже буфетчики вычеркивали друг друга и вводили себя на главные роли. А подписались "КС". Однако, сам Станиславский, во избежание путаницы, подписывался просто: "НИМЕРОВИЧ".

Розыгрыши во МХТ были нормой. Так на премьере "Вишневого сада" 904-го года звукооператор поставил в заключительной сцене вместо стука колес плеск весел. Фирс – Качалов задумался и вместо знаменитого "уехали" произнес: "Уплыли!"

Однажды Немирович-Данченко предложил молодым артистам МХТ принять на себя правление театром, для пробы. Молодые артисты взялись за дело с энтузиазмом и вывесили первый приказ: "Уволить К.С. Станиславского за систематические прогулы".

Приехав в театр, В.И. Немирович прочитал приказ и обернулся к молодым будущим народным артистам, маявшимся за его спиной.

"Ну что ж...- сказал он - не получилось!"

(Мне этот исторический анекдот рассказал Георгий Иванович Бурков.)

В театре Станиславского все мужские роли играли женщины. Кроме Раневской. Которая играла все женские роли.

Однажды МХТ повез в Одессу "Горе от ума" Гуляя у памятника Дюка у Станиславского украли часы. "Что, Константин Сергеич,- спросила одна остроумная одесситка – счастливые часов не наблюдают?"

"В Москву, в Москву!" – ответил Станиславский словами из другого акта.

КС не любил женских истерик, поэтому носил в театр кота. Когда какая-нибудь актриса закатывала на сцене истерику, КС дергал кота за хвост. Кот орал, и актриса падала в обморок.

Как известно, женщины обожают рассыпать пудру. А КС от пудры чесался. Поэтому, дождавшись, когда из театра все разъезжались, тихонько крался в гримерку и выметал веником всё: пудру, губную помаду, тушь и пузырьки с одеколоном. Вешал на двери огромный замок и с удовольствием ехал трудиться на фабрику.

Когда в театр приходила наниматься какая-нибудь актриса, КС брал её шубу и срезал петельку под воротником, а, заодно, и все пуговицы. Затем подавал актрисе иголку с ниткой и говорил: "Театр начинается с вешалки!"

Если актриса плохо играла, КС брал у неё пудреницу и дул. Актриса громко чихала, а КС отвечал: "Не верю!"

Станиславский очень хотел ездить в загранкомандировки, но ему трудно давались языки. КС пожаловался Горькому, и босяк научил его несколькими неприличными фразами, с которыми мэтр объездил весь мир и везде имел оглушительный успех.

Станиславский однажды ударил в ухо Немировича. Но промахнулся и попал Качалову. Качалов обиделся, долго терпел и всё-же не выдержал: подкрался к Немировичу с собакой, и тихонько пересадил ему на шубу двух блох.

Станиславский очень уважал механика сцены. Вдвоём они забирались под сцену, и раскручивали машинку так, что актёры падали на Немировича. А Станиславский с механиком обнимались под сценой и на радостях выпивали.

Актёры Станиславского часто бегали к Меерхольду. Великий экспериментатор бил их током, от чего актёры дёргались в конвульсиях, и называл это "биомеханикой". Когда актёры возвращались, то КС сразу замечал их необычные манеры. "Опять к Меерхольду бегали" – догадывался КС, но артистов не наказывал, понимая, что в театре без эксперимента нельзя.

Как известно, Константин Сергеич очень любил кошек, а Владимир Иванов любил собак. Но, как ни странно, Немирович содержал дома именно кота, а Станиславский, тот просто гулял с собакой Качалова.

Как известно Константин Сергеич очень громко чихал. При этом каждый раз со шкафа падал бронзовый бюст Владимира Ивановича. Константин Сергеич, вытирал губы белоснежным платком и звонил в колокольчик. Сторож, дежуривший за дверью со стремянкой, осторожно входил и, удивляясь накалу страстей, водворял бюст на место.

Когда какая-нибудь дама взвизгивала, присев на кнопку, подложенную на стул Шаляпиным, Константин Сергеич пристально вглядывался в её глаза и шептал: «Не верю!»

Однажды Станиславский, надев костюм Мефистофеля, заявился к Шаляпину. Когда Фёдор Иванович открыл двери, Константин Сергеич запел во всё горло арию! Шаляпин до этого момента не видал ещё живого чёрта и очень испугался.

Станиславский не любил, когда артисты над ним шутили. Поэтому шутил над артистами первым. Но артисты шуток не понимали, а Станиславский жалел свои шутки и записывал для памяти. Когда Станиславского не стало, артисты обнаружили тетрадь с шутками, не поняли и издали под заголовком «Система». И теперь уж точно никто не смеялся.

Константин Сергеич любил рассказывать анекдоты и всегда смеялся первым. А его друг Владимир Иванов назло над анекдотами не смеялся, а доставал платок и вытирал слёзы. Константин Сергеич на это очень мрачнел. И однажды взял, да и вымазал платок друга печной сажей. Потом рассказал анекдот, хотел помрачнеть, но видя лицо соратника, снова сделался в хорошем настроении.

Когда Чехов как доктор ставил кому-нибудь из актеров клизму, то всегда наставлял: «В человек все должно быть красиво – и в одежде и без одежды!»

Чехов часто приводил на репетицию своих собак Брома Исаевича и Хину Марковну. Собаки лаяли на артистов, а те смущались и замолкали. Тогда Станиславский удовлетворенно замечал: «Да-с! Собак не переиграешь!»

Чехов настаивал, чтобы в первом акте на сцене обязательно висело ружьё. «Вот увидите – говорил он – в последнем акте оно непременно выстрелит!» И действительно, к последнему акту игра актеров так раздражала Станиславского, что он снимал со стены ружье и в кого-нибудь стрелял!

Станиславский учил актеров, что в предлагаемых обстоятельствах можно произнести любой текст. Однажды он принес на репетицию меню «Славянского базара» и велел читать его вместо пьесы Тригорина: «рогатые олени, куропатки, гуси, рыбы...». Удивительно, но несмотря на протесты Чехова, так и осталось.

Станиславский часто ставил Чайку, которую принес Чехов, на сцене МХТ. Поставит на сцене, чайка упадет, поставит на стол, падает, в шкаф поставит, все равно падает! Тогда, чтобы не мучиться, её просто пришили к занавесу и всё!

Артистам МХТ Чехов выписывал рецепты бесплатно. «Вот,- говорил- автограф! Продайте коллекционеру и будут деньги на лекарства.»

Артисты МХТ боялись Чехова больше, чем Станиславского. Потому что КС приходил на репетиции всего лишь с системой, а АП со шприцом!

Однажды Чехова вызвали к градоначальнику. Чехов на всякий случай сунул в карман клистирную трубку и поехал на Тверскую. Но по дороге заглянул во МХТ. Актеры разглядели в кармане автора клистир и в тот вечер играли как никогда хорошо.

По утрам Станиславский порол артистов: «Не любите себя в искусстве! Не любите себя в искусстве!» Артисты плакали и искусства не любили.

Станиславский, как истинный сын века, был одержим техническим прогрессом и рационализациями. Сравнив работу бухгалтера на арифмометре и швей-мотористки в пошивочном цеху, он заказал фирме Зингер спец-арифмометры и вдвое сократил штат бухгалтерии.

Станиславский ввёл новаторскую систему поощрения актёров: ведущим он платил царскими золотыми, середнякам – ойро, а штрафникам "зайчиками".

Выбивая у олигархов спонсорскую поддержку, Станиславский вынужденно ходил с ними в рестораны и казино. Если олигарх заказывал, например, моденский уксус, Константин Сергеич

доставал список и вычёркивал: "ремонт кресел третьего ряда" или "занавески в гримерной". Если олигарх выигрывал в казино, КС дописывал пункт: "Заказать Чехову про птицу".

Прижимистый капиталист Станиславский, чтобы не тратиться на обучение актёров, брал с волочильной фабрики тех, кто совсем уж был не годен к делу. Так волочильщик низшей категории Васька Качалов оказался впоследствии неплохим комедиантом, а при новой власти за своё пролетарское происхождение даже получил орден.

Промышленник Алексеев очень любил считать деньги. Даже на сцене не мог расстаться с пагубной страстью. И роли себе выбирал подходящие: то Скупой рыцарь, то Шейлок.

Константин Сергеич и Владимир Иваныч были тонкими политиками. Один директор отпустил усы, а другой бородку. Если актёр театра рассказывал анекдот про усатого вождя, то усатый КС писал приказ о его увольнении, а бородатый ВИ не подписывал. Если анекдот был про вождя бородатого, то приказ писал ВИ, а КС не подписывал. Так им удавалось сохранить труппу в целости много лет.

Премьер министр Витте как-то наведалься на волочильную фабрику Станиславского. А министр Витте, как известно, любил давать советы, и, узнав, что волокна замачивают, произнёс: «Мочить в сортире!» Фраза осталась в истории.

Всем известно, что Станиславский не читал газет. А Немирович-Данченко за это громко читал газеты под его окнами. КС, наслушавшись, захлопывал форточку и садился к столу писать книжку: «Моя жизнь в искусстве во время социализма».

Константин Сергеич и Владимир Иваныч искали спонсора для театра. «Морозов! Щукин! Мамонтов!» - кричали они наперебой. Пока спорили, театр купил Абрамович. Артистов отправил на Камчатку играть в футбол, а на сцену выпустил футболистов Челси.

Артисты обожали покупать акции на деньги Станиславского. С монологом из Шейлока или Скупого рыцаря открывали они дверь кабинета, но вылетали оттуда под крик: «Не верю!» В театре это называлось «играть на бирже».

Труппа МХАТА частенько играла на бирже. Огромным успехом пользовалась пьеса «Бешеные деньги».

Однажды Владимир Иваныч привел Константину Сергеичу хорошенькую дебютантку. Константин Сергеич позавидовал и отправил ее работать в гардероб. «Театр начинается с вешалки!» - произнес он свою коронную фразу.

Как известно Станиславский очень хотел стать актером. И стал. А Немирович-Данченко хотел стать фабрикантом, но не сумел.

Когда дебютанты играли уж слишком плохо, Станиславский выпускал на сцену свирепую собаку Качалова, и дебютанты в ужасе разбегались.

«Собаки очень органичны, - говорил Станиславский – собаку не переиграешь!»

Милых дам, нанимавшихся в актрисы, Станиславский посылал к Немировичу-Данченко с запиской: «Любите искусство во мне, в себе, и попытайтесь в ней тоже».

Молодые актрисы трепетали перед Станиславским и падали перед ним ниц. А чтобы как-то оправдать сквозное действие, терли пол подвернувшейся тряпкой. Станиславский же, входя в театр, всегда удивлялся: откуда в театре так много поломоек?

Мало кому известно, что великий Качалов дебютировал в опере под псевдонимом «Шаляпин». А Шаляпин дебютировал во МХАТе под псевдонимом «Качалов». Дебюты оказались удачными, псевдонимы прижились, и вскоре сам Станиславский не мог разобрать где кто.

Во МХАТе была традиция подбрасывать дебютанту на выход банановую корку. Если дебютант упал органично, его в театре оставляли. Если не органично – отправляли в балет.

Константин Сергеич имел блат в кассе, а Владимир Иваныч в гардеробе. Поэтому гости Константина Сергеича входили в театр первыми, а раздевались последними.

Константин Сергеич распространял свою систему на все сферы жизни. Так он частенько говаривал актёрам: «Не ешьте дыни с молоком! Сквозное действие может быть весьма неприятным!»

Как известно, Константин Сергеич был очень высокого роста, а Владимир Иваныч очень маленького. Когда директора ссорились, то Владимир Иваныч, чтобы дотянуться, залезал на стул. Когда мирились, Константин Сергеич на стул садился. По этому признаку актёры безошибочно определяли настроение дирекции и точно знали, когда просить прибавки жалования.

Константин Сергеич и Владимир Иваныч очень любили Пушкина. А Пушкин их не знал и не любил.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Анекдоты от Боровкова Н.Ю.

Было два брата близнеца. Они друг друга не любили и часто ссорились. Один брат назло другому отпустил бороду, и стал фамилии менять, назвал сначала Немировичем, а потом – Данченко. А другой назло первому брови выкрасил, а фамилию оставил – Станиславский.

Было два брата близнеца. Очень друг с другом спорить любили. Один говорит: «Главное – это задача». А другой: «Главное – прибыль». Первый на это: «Сверхзадача!», а второй: «Сверхприбыль!» А первый: «Сверх-сверхзадача!..» Тогда второй обиделся, бороду отпустил и фамилию сменил, стал Карлом Марксом. А первый усы выкрасил, а фамилию прежнюю оставил – Станиславский.

Было два брата близнеца. Сначала они ссорились, а потом решили помириться и ни о чём больше не спорить. Один говорит: «Главное – это действие». «Точно, – соглашается второй, – физическое». «Физическое и своевременное, – уточняет первый. – Вчера было рано, а завтра – поздно». «Да! – восклицает второй. – Сегодня, здесь и сейчас!» Первый волосы с головы сбрил, на подбородок приклеил – для конспирации (а фамилию он давно сменил), – пошёл и сделал революцию. И второй налысо побрился (для конспирации) и тоже революцию сделал. И фамилию сменил, стал называться Швытким.

Однажды Станиславский влюбился в актрису. Пригласил её в кабинет и говорит: «Я не искусство в Вас люблю, а Вас в искусстве. А себя – наоборот». Актриса его не поняла, обиделась и ушла к Немировичу. А тот в это время носил фамилию Чехов.

Станиславский с Немировичем не разговаривал, только по телефону. И, прежде чем позвонить, долго речь перед зеркалом репетировал. Потом наберёт номер:

– Здравствуйте, уважаемый Владимир Иванович.

– Ну?.. В чём дело?..

А Станиславский растеряется и все слова забудет.

Станиславский всегда был не в ладу с математикой. Вечно цифры путал, даже когда по телефону звонил. Наберёт номер:

– Это квартира Немировича-Данченко?

– Нет, Скворцова-Степанова.

Станиславский пробовал заниматься актёрским мастерством по системе с белыми мышами. Мыши вели себя органично. Но не перевоплощались.

А вот другой анекдот:

Станиславский пробовал заниматься с актёрами по системе. Актёры перевоплощались до неузнаваемости и вели себя очень... неорганично.

Станиславский всё время к Чехову приставал: убил на охоте чайку, принёс и говорит: "Слабо пьесу сочинить?" Чехов сочинил "Чайку", а потом принес Станиславскому ошипанную курицу: "Слабо спектакль поставить?" Станиславский поставил "Синюю птицу".

За выполнение сверхзадачи актёры требовали от Станиславского оплаты сверхурочных.

Горький задумал большую пьесу «На дне рождения у Станиславского», а (но) сочинил только начало.

Станиславский верил, что вся его сила – в усах, поэтому долго не решался их сбрить, а для перевоплощения заклеивал тряпочкой.

Станиславский бывало говорил актёрам: «Не себя любите в искусстве, а меня!»

Станиславский с Немировичем поспорили, кто громче крикнет «Не верю!», и так увлеклись, что забыли, о чём спорили.

Станиславский хотел создать периодическую систему элементов актёрского мастерства, но не сумел красиво нарисовать.

Когда у Станиславского начинали болеть зубы, он сосредотачивал внимание в узком круге и говорил самому себе: «Вот если бы зубы болели у Немировича...» И ему становилось легче.

Работая над собой, Станиславский любил, держа во рту конфету, делать кислую физиономию. «Что же такое он ест?» – недоумевали артисты.

Станиславский был лунатиком, но никто об этом не догадывался. Считалось, что и по ночам он продолжает совершенствовать своё мастерство.

Станиславский ещё в детстве потерял все свои зубы и пользовался искусственными. При ссорах с ним Немирович ядовито намекал: «Берегите фарфор».

Станиславский был рыжим, что очень соответствовало его эксцентрическому характеру. Но, стеснясь этого, он всегда ходил в седом парике, красил усы чёрной ваксой и старался вести себя солидно.

Любимая шутка КС: «Сытый Немирович голодному Станиславскому – не товарищ».

В отличие от Немировича, читавшего много и быстро, Станиславский читал мало и медленно. Поэтому он любил Чехова, а Немирович – Достоевского и Толстого.

– Где вы сейчас находитесь? – спрашивает КС у артиста.

– На сцене.

– Приглядитесь: это же тропический лес!

– Действительно... И как меня сюда занесло?!

Станиславский терпеть не мог рыбную ловлю, считая её праздным времяпрепровождением. «Лучше бы пьесу написал», – ворчал он, глядя на Чехова с удочкой.

Станиславскому нравились рассуждения Г.Крега об актёре как сверх-марионетке. «Вот уйду к Образцову, – пугал он своих артистов, – а вас Крегу отдам».

Станиславский вечно к Чехову приставал: сочини, дескать, что-нибудь.

– Слабо про дядю Ваню сочинить?

Чехов сочинил про дядю.

– А про сестру слабо? – наседает Станиславский.

Чехов и про сестру сочинил, даже про трёх.

– А так, чтобы брат с сестрой, и у неё дочка, и другая, приёмная, и сын, который утонул?..

Чехов долго отнекивался, потом всё-таки сдался, сочинил «Вишнёвый сад». А Станиславский всё не унимается:

– А про работу актёра над собой в творческом процессе перевоплощения?!

Тут Чехов не выдержал и помер. Пришлось Станиславскому самому сочинять.

Станиславский обожал перевоплощаться. Увидел в окно Чехова – перевоплотился в шкаф и стоит. Чехов сразу его узнал, но вида не подал и говорит: «Дорогой, многоуважаемый шкаф!» Станиславский всем потом об этом рассказывал, даже со сцены.

Чехов говорит Станиславскому:

– В моей «Чайке» пять пудов любви! Разве Вы не видите?

– Я глазам своим не верю! – отвечает КС.

Чехов решил подшутить над Горьким и назвал героев своей пьесы Кислым, Сладким и Солёным. Потом понял, что переборщил и оставил одного Солёного.

Чтобы привлечь публику, Чехов в шутку назвал «Чайку» комедией. Критика шутку не поняла.

Станиславский хотел быть похожим на Чехова и потому стал, как и он, носить пенсне. Увидев это, Чехов пошутил: «В человеке всё должно быть прекрасно...»